

УДК 330.1+338.439

Е. А. Капогузов,

д. э. н., доцент, заведующий кафедрой
экономической теории и предпринимательства
ФГБОУ ВПО «Омский государственный
университет им. Ф. М. Достоевского»

Р. И. Чупин,

магистр социологии, преподаватель кафедры
экономической теории и предпринимательства
ФГБОУ ВПО «Омский государственный
университет им. Ф. М. Достоевского»,
Российская Федерация

ТЕХНИЧЕСКОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КАЧЕСТВА ПИЩЕВЫХ ПРОДУКТОВ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ В КОНТЕКСТЕ НЕОИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА И РОССИЙСКИЙ ОПЫТ

Аннотация

В статье рассматриваются концептуальные основы технического регулирования. Показано влияние как нормативных, так и теоретических концепций, в частности теорий частного, общественного интереса и неинституционального подхода, на формирование принципов и инструментария технического регулирования. Охарактеризована трансформация системы технического регулирования в России после 2002 г., связанная с попытками дерегулирования экономики, но имевшая отрицательные экстерналии в виде снижения качества пищевых продуктов. Приведены доводы в пользу неоднозначности эффективности существующей системы стандартизации и регламентации в России с позиции «экономики соглашений». Представлена типология институтов, воздействующих на качество продуктов питания. В заключении показана значимость проведения активной государственной политики в сфере технического регулирования, призванной обеспечить безопасность и репрезентацию качества пищевых продуктов посредством регламентации для обеспечения легитимности институтов.

Ключевые слова: государственное регулирование, техническое регулирование, продовольственная безопасность, экономика соглашений, Таможенный союз.

JEL-коды: I18, K 29, L51, Q18.

Аңдатпа

Мақалада техникалық реттеудің тұжырымдамалық негіздері қарастырылады. Нормативтік, теориялық тұжырымдамалар, атап айтқанда жеке, қоғамдық мүдде мен неоконституциялық тәсілдің техникалық реттеу принциптері мен құралдарын қалыптастыруға әсері ашып көрсетіледі. Ресейде 2002 жылдан соң техникалық реттеу жүйесінің өзгеруі сипатталады. Ресейде «келісімдер экономикасы» тұрғысынан стандарттау мен регламенттеудің қазіргі жүйесінің тиімділігінің көп мағыналылығына сай дәлелдер келтіріледі. Қорытындыда техникалық реттеу саласында институттардың заңдылығын қамтамасыз ету үшін қауіпсіздікті және азық-түлік өнімдерінің сапасын қамтамасыз етуге бағытталған белсенді мемлекеттік саясатты жүргізудің маңыздығы көрсетілді.

Тірек сөздер: мемлекеттік реттеу, техникалық реттеу, азық-түлік қауіпсіздігі, келісімдер экономикасы, кедендік одақ.

JEL-кодтар: I18, K 29, L51, Q18.

Abstract

This article discusses the conceptual foundations of technical regulation. Shows the influence of both normative and theoretical concepts, such as theories of private, public interest and the neo-institutional approach to the formation of the principles and tools of technical regulation. Characterized by the transformation of the system of technical regulation in Russia since 2002, associated with attempts to deregulate the economy, but which had a negative externalities in the form of lower food quality. Presented arguments in favor of ambiguity efficiency of the existing system of standardization and regulation in Russia in terms of “economy agreements.” The typology of institutions, affecting the quality of the food. In conclusion, shows the importance of an active state policy in the sphere of technical regulation, designed to ensure the safety and quality of food representation by regulation to ensure the legitimacy of institutions.

Keywords: state regulation, technical regulation, food security, conventional economics, Custom Union

JEL-codes: I18, K 29, L51, Q18.

Одним из наиболее актуальных направлений повышения качества жизни в мировом и национальных масштабах является обеспечение качества пищевых продуктов. От качества пищевых продуктов зависят состояние здоровья людей и их удовлетворенность собственной жизнью. С пищей человек получает необходимые для его жизнедеятельности химические и биологические вещества, дефицит или избыток этих веществ, бесспорно, сказывается на самочувствии человека, его сопротивляемости болезням и продолжительности жизни в целом. В свете унификации требований в рамках Таможенного союза данный вопрос уже имеет свою актуальность для всех стран-участников, в том числе России и Республики Казахстан.

Исторически сложилось, что обеспеченность населения продовольствием является важнейшим индикатором уровня социально-экономического развития страны, её независимости и конкурентоспособности на мировой арене. В связи с этим можно обнаружить свидетельства пристального государственного интереса к вопросам обеспечения населения качественным продовольствием, сформулированным как техническое регулирование. Во всех развитых и динамично развивающихся государствах существуют законы, устанавливающие принципы, цели и задачи государственной политики в области технического регулирования. В США Дж. Кеннеди ввел Билль «О правах потребителей» ещё в 1962 году. В Китае Закон «О качестве продукции» датируется 2000 годом, в 2002 году Президентом РФ был утвержден Федеральный закон «О техническом регулировании», в основе которого лежит принцип «правила создания правил», исходя из требований о недопущении ограничения конкуренции вследствие внедрения конкретных требований к регламентации свойств благ, прежде всего с точки зрения безопасности продукции [1]. На сегодняшний день сложно отыскать страну, где государство отказывается возлагать на себя функцию по обеспечению качества пищевых продуктов.

Примечательно, что до сих пор не выработалось единой общепринятой позиции по поводу содержательного наполнения данной функции. Следует отметить, что в США и в России государство озабочено проблемами обеспечения безопасности пищевых продуктов, тогда как в ЕС и Китае больше уделяется внимания проблеме регламентации качества продовольственных товаров. Объединяет страны только то, что каждое государство выстраивает свою систему технического регулирования, затрачивая огромное количество ресурсов с целью получения конкурентных преимуществ. *Под системой технического регулирования* нами понимается правовое регулирование отношений в области установления, применения и исполнения обязательных и добровольных требований к продукции или к связанным с ними процессам производства, хранения, перевозки, реализации и утилизации, а также правовое регулирование отношений в области оценки соответствия данным требованиям.

Чья позиция окажется более результативной – покажет время. Однако следует учитывать, что за кулисами конкурентной борьбы скрывается более утонченная академическая борьба, главная роль в которой отводится не конкретным странам, а абстрактным идеям.

Считается, что большинство решений, принимаемых на государственном уровне, вольно или невольно ангажированы идеями, оформленными в виде теоретических концепций. К такому выводу нас подводит мысль Дж. М. Кейнса о том, что «идеи экономистов и политических мыслителей – и когда они правы, и когда они ошибаются – имеют гораздо большее значение, чем принято думать. В действительности только они и правят миром. Люди-практики, которые считают себя совершенно не подверженными интеллектуальным влияниям, обычно являются рабами какого-нибудь экономиста прошлого» [2; с. 15]. Если это действительно так, то рассмотрение концептуальных основ технического регулирования позволит спрогнозировать последствия их воплощения на практике ещё до момента получения реальных эмпирических результатов. Более того, по итогам данного анализа существует реальная возможность развития концептуальных основ технического регулирования, что также способно убедить какого-либо государственного деятеля и найти практическое применение в экономической политике.

Теоретические положения технического регулирования качества пищевых продуктов

Идеи государственного регулирования фрагментарно отражены в различных экономических концепциях. В данном исследовании нами сделан акцент на классификацию

теорий государственного регулирования экономики, предложенную российским экономистом В. Л. Тамбовцевым [3].

Первой группой теорий, согласно выбранной классификации, являются *теории общественного интереса*. Их практическая и теоретическая польза заключается в рассмотрении государственного регулирования как средства преодоления «провалов рынка». Исходя из допущения, что рыночное равновесие не всегда приводит к экономическому оптимуму, Й. Хертогом предложено определение термина «государственное регулирование». Под регулированием в рамках его подхода следует понимать «способ преодоления недостатков несовершенной конкуренции, несбалансированности рынков, отсутствия рынков или негативных последствий рыночного механизма» [4, с. 225]. Из данного определения следуют три возможных варианта несостоятельности рыночного механизма, при которых техническое регулирование (как разновидность государственного регулирования) становится оправданной мерой, следовательно, приобретает концептуальную основу.

Первый вариант предусматривает наличие несовершенной конкуренции на рынках пищевых продуктов, которая продиктована тенденциями монополизации или олигополизации. В случае с рынками пищевых продуктов данные тенденции обусловлены планомерной экспансией крупных компаний (в т. ч. транснациональных корпораций (ТНК)), которые имеют возможность получать положительный эффект от масштаба при производстве пищевых продуктов за счет интеграции с химической промышленностью. Например, интеграция технологических процессов производства пищевых продуктов с технологическими процессами химической промышленности позволяет резко сократить время и себестоимость производимых пищевых продуктов без ущерба для органолептических свойств, но с занижением пищевой ценности. Данная тенденция наиболее характерна для развивающихся стран, в странах с развитой системой контроля качества (таких как страны ЕС) данная тенденция выражена в меньшей степени. Вследствие вышеописанного, отдельная компания или группа компаний получают конкурентное преимущество, позволяющее им захватить рынок и получить рыночную власть. Это приводит к негативным социально-экономическим последствиям в условиях неэластичности спроса на пищевые продукты (преимущественно товары первой необходимости) от доходов населения. Монополист способен устанавливать цены на пищевые продукты независимо от их качества.

Следующим примером «провала рынка» служит его несбалансированность, которая в современных условиях может приводить к избыточной конкуренции. Следует отметить, что избыточная конкуренция может вынудить фирмы снижать затраты до уровня совокупных средних издержек и, как следствие, привести к сокращению затрат фирмы на обеспечение качества пищевых продуктов. Данный тезис также подтверждается исследованиями американского экономиста А. Кана, который указывал на то, что борьба фирм в условиях избыточной конкуренции может осуществляться путем снижения качества продукции [5, р. 175].

Третьим случаем, аргументирующим необходимость государственного технического регулирования, является несовершенство рыночного механизма, в части асимметрии распределения информации о ценах и качестве пищевых продуктов. В данном случае предусматривается допущение о том, что одна сторона (преимущественно фирмы) может использовать имеющуюся информацию недобросовестным образом. Фирмы могут скрывать информацию о действительном качестве товаров, сигнализируя потребителям о высоком качестве, тем самым вводя их в заблуждение.

Таким образом, теории общественного интереса базируются на концептуальной основе, предполагающей устранение недостатков рыночного механизма посредством государственного регулирования с целью повышения общественного благосостояния. Применительно к государственному техническому регулированию совокупность данных теорий позволяет аргументировать комплекс мероприятий экономической политики, проводимой в ряде государств. Например, для преодоления недостатков несовершенной конкуренции в России существуют законы о ценах на пищевые продукты, кредитные и налоговые инструменты. Для балансировки рынков и устранения избыточной конкуренции используются административные барьеры в форме лицензирования и сертификации.

Однако неотъемлемым инструментом государственного технического регулирования качества пищевых продуктов выступает регламентация. В общем виде *регламентация*

качества пищевых продуктов представляет деятельность органов власти по закреплению требований в форме формальных правил с целью их многократного использования фирмами для достижения упорядоченности в производственной сфере. В случае установления обязательных требований к качеству пищевых продуктов и их закреплению в форме Технического регламента (в России), Стандарта (в США) или Директивы (в ЕС) государством реализуется регулирование деятельности фирм, нацеленное на ограничение их действий в части снижения качества пищевых продуктов. Неоспоримым преимуществом регламентации является возможность нивелирования негативных последствий описанных «провалов рынка». При этом следует отметить, что данный инструмент технического регулирования качества пищевых продуктов также создает основания для критики теорий общественного интереса.

Во-первых, возникает вопрос о содержательном наполнении регулирующих мер с точки зрения критериев экономической эффективности (критериев Парето и Калдора-Хикса). В этом контексте данные меры должны быть одобряемы всеми заинтересованными сторонами, не ущемлять их равноправие в доступе к ресурсам и не уменьшать их индивидуальный уровень благосостояния. Иначе пропадает смысл технического регулирования как способа повышения эффективности экономики.

Во-вторых, альтернативой государственному техническому регулированию является саморегуляция рынка, при которой главная роль отводится фирмам. Так, нобелевский лауреат по экономике Дж. Акерлоф обосновал обращение фирм к гарантиям, фирменным знакам и добровольной сертификации как способам преодоления негативных последствий избыточной конкуренции и несбалансированности рынков [6, р. 500]. Фирмы могут добровольно применять данные информационные сигналы для информирования потребителей о качестве своего продукта, что позволит им совершить осознанный выбор в условиях конкурентного рынка.

В-третьих, допущение об экономической нейтральности государства (как субъекта технического регулирования) может быть принято только при условии многочисленных оговорок: «при прочих равных условиях». Де-факто практика и теория государственного регулирования демонстрируют примеры того, как государство, производя регулирующие меры, преследует не общественные, а частные интересы отдельных фирм.

Последнее положение было раскрыто в рамках второй группы концепций, получившей название *теорий частного интереса*. Суть данной концептуальной основы отражена в тезисе американского экономиста Дж. Стиглера о том, что регулирование вводится государством для предоставления преференций отдельным фирмам, их объединениям или отраслям экономики [7, р. 5]. Регулирующие меры могут снижать благосостояние одних фирм в пользу других. Например, после принятия в рамках Таможенного союза Технического регламента «О безопасности мяса и мясных продуктов» государства установили ряд требований по убою скота, ограничив возможность домашнего (подворного) убоя для целей реализации. В результате этих мер мелкие товаропроизводители понесли существенные убытки, тогда как крупные предприятия получили относительное конкурентное преимущество.

В процессе регламентации качества пищевых продуктов группы интересов оказывают давление на государство с целью продвижения собственной выгоды. Согласно теориям частного интереса эти группы, обладая организационными преимуществами, получают выгоды от установления благоприятствующих им мер регулирования. Исходя из этого, мы можем предположить, что спрос на регулирование находится в обратной зависимости от степени развития конкуренции на рынках пищевых продуктов. Если рынок находится в состоянии несовершенной конкуренции, то спрос будет возрастать, так как монополист имеет большую экономическую заинтересованность и возможность давления в закреплении своей рыночной власти. Напротив, в рыночных условиях, приближенных к совершенной конкуренции, отдельные фирмы не имеют исключительных возможностей (по сравнению с остальными) оказывать давление на субъекта регулирования.

Установление со стороны государства требований к качеству пищевых продуктов может быть в интересах тех фирм, которые уже соответствуют данным требованиям. Фирмам, производство на которых не соответствует существующим требованиям, приходится либо нести издержки по изменению технологических процессов, либо покинуть отрасль. Кроме того, регулирующие меры устанавливая требования для потенциальных участников отрасли, что может служить для них непреодолимым входным барьером.

Один из основателей теории общественного выбора Г. Таллок указывал: «фирма, имеющая рыночную власть в результате существования барьеров, заинтересована инвестировать в его закрепление» [8, р. 3]. Для осуществления таких инвестиций монополист даже готов отказываться от получения максимальной прибыли в данный момент времени. Фирма может инвестировать в политиков (путем прямого подкупа или поддержки избирательных кампаний), осуществлять финансирование научных исследований и средств массовой информации, формируя общественную потребность в необходимости регулирования. Последние два пункта приобретают большую популярность в наши дни, когда происходит переосмысление вредности или безвредности пищевых продуктов, содержащих ГМО, трансжиры, синтетические пищевые добавки.

Таким образом, теории частного интереса базируются на постулате: регулирование полностью зависит от экономических интересов групп давления. Это порождает критику теорий в части допущения об отсутствии у государства собственного интереса. Основоположники теории конституционной политической экономии Дж. Бьюкенен и Дж. Бреннан утверждали, что «функция правил состоит в том, чтобы обеспечивать взаимодействие людей, чьи желания могут быть совершенно различными» [9; с. 30]. Проводя государственную политику в сфере технического регулирования, государство заинтересовано в нахождении легитимных правил с целью сохранения собственной власти. При этом легитимность правил исходит из их способности содействовать интересам всех заинтересованных групп [9; с. 31].

Неинституциональная теория государственного регулирования базируется на концепции нобелевского лауреата Р. Коуза, который доказал, что «провалов рынка» не может быть в социально-экономической системе, где по умолчанию предполагаются нулевые трансакционные издержки [10; с. 215]. В условиях нулевых трансакционных издержек отдельная фирма не может достичь необходимых масштабов для получения рыночной власти, так как существует прямая зависимость между размерами фирмы и уровнем трансакционных издержек. Кроме того, в условиях нулевых трансакционных издержек потребители способны договориться с фирмами о желаемом качестве продукции и обеспечить контроль над деятельностью фирм. В свою очередь, если трансакционные издержки выше нуля, тогда необходимы «правила игры», устанавливающие нормативные модели поведения.

Таким образом, техническое регулирование качества пищевых продуктов – это реакция государства на «провалы рынка», причиной которых являются ненулевые трансакционные издержки. Однако, по мнению В. Л. Тамбовцева, в науке до сих пор отсутствует единая и полноценная неинституциональная теория государственного регулирования, что не позволяет сформулировать концептуальную основу для разработки эффективных мер регулирования [3; с. 60].

Дело в том, что государство устанавливает формальные правила поведения, которые сказываются не только на уровне трансакционных издержек, но и на уровне трансформационных (частных) издержек фирм. Например, система обязательных стандартов ГОСТ Р, просуществовавшая в России до 2002 года, предъявляла набор единых исчерпывающих требований к производству, хранению и реализации пищевых продуктов. Фирмы не имели возможности легально и самостоятельно определять качество пищевых продуктов, в результате были вынуждены нести издержки, связанные с обеспечением качества. Такая система устанавливала четкие рамки поведения фирм, но негативно сказывалась на их частных издержках. В тот момент, когда данные издержки стали превышать частные выгоды, фирмы отказывались следовать законным предписаниям. В результате государством был инициирован процесс трансформации национальной системы технического регулирования с курсом на политику дерегулирования.

В основе концепции дерегулирования заложена идея о трансформации модели государственного регулирования к саморегуляции рынка, которая получает все большее теоретическое объяснение и практическую аргументацию.

Во-первых, в современных рыночных условиях практически невозможно установить исчерпывающий перечень технических требований к качеству пищевых продуктов, не ограничив конкуренцию. Даже в случае успеха контроль качества пищевых продуктов со стороны государства не представляется возможным по причине запредельно высоких издержек. Как отмечали специалисты Всероссийского научно-исследовательского

института стандартизации (ВНИИС), переход к рыночной экономике предполагает создание более гибкой системы технического регулирования, чувствительной к современным темпам научно-технического развития и инновациям [11].

Во-вторых, в экономической теории существует множество обоснований тезиса о саморегуляции рынка с точки зрения экономической эффективности. С одной стороны, существует целый ряд теорий, посвященных исследованию «провалов государства». С другой стороны, получают своё развитие теории, объясняющие эффективность альтернативных государству форм регулирования – организаций саморегулирования.

В связи с этим идея о саморегуляции рынка становится устойчивой основой для инициирования политики дерегулирования, сформированной как «Новый» (New Approach) и «Глобальный» (Global Approach) подходы. Так, в ЕС существует система обязательных для исполнения правил (Директивы New Approach), которые предполагают основополагающие требования безопасности пищевых продуктов. Однако фирмы имеют право на самостоятельный выбор технических решений. Конкретные качественные технические характеристики пищевой продукции регламентируются в форме добровольных мер регулирования (гармонизированных стандартов). Согласно Директивам Global Approach производство пищевых продуктов, исходя из предписаний гармонизированных стандартов, расценивается как соответствие продукции требованиям Директив New Approach. Этот принцип получил название «презумпции соответствия».

Согласно презумпции соответствия фирмы также могут разрабатывать свои требования к качеству продукции (в форме технических условий). В этом случае фирма должна доказать, что её продукция соответствует требованиям Директивы New Approach с помощью третьей стороны, в роли которой выступают независимые организации по сертификации продукции. При положительном исходе фирме выдается сертификат соответствия, позволяющий ей использовать специальную маркировку – CE (Certificate of Compliance CE, CE Certificate of Conformity), выполняющую функцию информационного сигнала для потребителей.

Главной целью внедрения такого подхода стала экономия издержек контроля качества продукции со стороны государства при одновременном устранении административных барьеров по перемещению товаров внутри глобальных рынков. Государство оставило за собой обязанность по техническому регулированию безопасности пищевых продуктов, тогда как определение остальных показателей качества предоставлено на саморегуляцию рынка при активном участии организаций саморегулирования. При этом результативность функционирования такой системы в странах ЕС сформировала иллюзию универсальности концепции дерегулирования. Внешней формой проявления результативности Нового и Глобального подходов в странах ЕС являлось то, что за последние 20 лет в ЕС резко снизилось количество административных барьеров, повысился уровень конкурентности рынков и отмечаются положительные тенденции в части состояния здоровья граждан.

Примечательно, что именно концепция дерегулирования послужила основой для модернизации российской системы технического регулирования качества пищевых продуктов. Изначальная предпосылка трансформации – модернизация национальной системы стандартизации и сертификации – являлась оправданной. Унаследованная советская система технического регулирования качества пищевых продуктов разработана ещё в середине прошлого века, когда преобладал принцип плановой организации производственного процесса. При данном способе организации производства продукция носила однородный характер, и её оценка была в значительной мере упрощена. Сегодня происходит постоянная смена сырья и технологии, что, безусловно, отражается на контроле качества пищевых продуктов и делает непригодной бескомпромиссную систему ГОСТов. Поэтому образцом для модернизации системы технического регулирования качества пищевых продуктов в России стали Новый и Глобальный подходы.

Таким образом, мы выявили, что абстрактные теории характеризуют вектор государственной политики, задавая концептуальную основу техническому регулированию качества пищевых продуктов. Однако анализ концептуальных основ технического регулирования показал, что ни одна из теорий не дает полного и исчерпывающего объяснения практики введения регулирующих мер. Каждая из теорий предлагает своё обоснование действий государства, порождая противоречия при оценке последствий фактически проводимой государственной политики. Кроме того, остается открытым

вопрос о различной эффективности однотипных регулирующих мер, вводимых в странах с рыночной экономикой. Если в странах ЕС политика дерегулирования показывает свою результативность, то в России это ещё следует выяснить.

В ранее проведенных исследованиях мы выяснили, что в современном российском обществе обостряются проблемы в части экономической и физической доступности для населения качественных пищевых продуктов, так как пищевые продукты утрачивают свою непосредственную определенность [12]. Развитие этой ситуации однозначно приведет к ухудшению продовольственной безопасности и демографического положения. Основная сложность заключается в ограниченности возможностей теоретического осмысления данной проблемы в рамках действующих ортодоксальных экономических традиций. С точки зрения концепции дерегулирования поведение потребителя рационально, и вероятность приобретения некачественных товаров нивелируется ввиду допущения о полноте информации. В рамках неинституциональной теории рациональное поведение в условиях свободного рынка является затруднительным для потребителя ввиду наличия трансакционных издержек поиска информации, оппортунистического поведения и измерения. Исходя из этого, мы пришли к необходимости регламентации качества пищевых продуктов в России с целью создания институтов, снижающих уровень неопределенности на продовольственных рынках. Однако в связи с этим возникает задача поиска эффективных мер регулирования, отвечающих интересам заинтересованных групп.

Регламентация и стандартизация качества пищевых продуктов в России: проблема эффективности регулирования

Следует понимать, что в развитых странах система технического регулирования базируется, в первую очередь, на саморегуляции рынка, которая возможна за счет механизма взаимодействия заинтересованных групп: государства, фирм и потребителей. По мнению академика РАН В. М. Полтеровича, в России данный механизм ещё не успел сложиться и имеет ряд существенных недостатков [13; с. 196]. Это может быть объяснено недостатками механизма взаимодействия заинтересованных групп, не позволяющими осуществить полноценный переход системы технического регулирования к саморегуляции. Стоит отметить, что в условиях отсутствия механизма взаимодействия заинтересованных групп рынок не сможет сформировать систему регулирующих мер, учитывающую общественные и частные интересы.

Пока рынок не справляется с обеспечением качества пищевых продуктов, для защиты интересов различных групп населения целесообразно прибегнуть к авторитету государства. Государство (по Д. Норт) представляет собой особую организацию, обладающую преимуществами в осуществлении легального насилия. Следовательно, государство выполняет значимую функцию – создание условий для эффективности экономики, выступая в роли направляющей силы и гаранта. Оно является одним из наиболее заинтересованных субъектов и имеет возможность регламентации качества пищевых продуктов с целью выработки легитимных институтов (с точки зрения теории Дж. Бьюкенена).

В современной российской практике технического регулирования регламентация качества может осуществляться органами государственной власти на национальном уровне (путем принятия формальных правил в форме федеральных законов, постановлений Правительства или указов Президента) и/или на межнациональном уровне Комиссией Таможенного союза в форме технических регламентов. Действующим законодательством РФ предусматриваются оба способа регламентации при условии главенства наднациональных правил. С вступлением в законную силу технических регламентов Таможенного союза дублирующие их национальные формальные правила прекращают своё действие. Примечательно, что с 2008 года в Российской Федерации стали приниматься первые национальные технические регламенты на пищевую продукцию, которые с 2012 года постепенно замещаются наднациональными правилами.

Согласно п. 2 ст. 9 Федерального закона РФ «О техническом регулировании» разработчиком проекта технического регламента может быть любое лицо, что инициировало ситуацию «захвата регулятора» на национальном уровне. Крупные фирмы или отрасли заинтересованы в оказании воздействия на государство. Обладатель премии им. А. Нобеля по экономике 2014 года Ж. Тироле и Ж.-Ж. Лаффонте выделили пять возможных форм такого

воздействия [14, р. 1090-1091]: денежные взятки, гарантии будущей занятости чиновников, использование неформальных отношений, защита органа власти от публичной критики и прямое воздействие через политиков.

Что касается последнего, то данный способ воздействия представляет большую актуальность для России, где большинство технических регламентов на пищевую продукцию было принято в форме федеральных законов. Исходя из модели Дензау-Манджера, законодатели ориентированы на максимизацию политических выгод в свою пользу [15; р.93]. Ограничением законодателя является ресурс в виде усилий, предпринимаемых им при принятии решений. Каждый законодатель перераспределяет свой ресурс между различными функциями с учетом конечной политической выгоды.

Согласно исландскому ученому Т. Эггертссону, законодатель может воздействовать на конечный результат двумя способами [16; с. 327]. Во-первых, за счет проведения политики и действий, направленных на общественные выгоды и интересы и на защиту интересов своего государства на межнациональном уровне. Во-вторых, поддерживая частные интересы групп давления (например, лобби крупных отраслевых ассоциаций). По мнению руководителя Ростехрегулирования Г. И. Элькина и В. Г. Версана, главная проблема включения требований в технический регламент – поиск баланса между теми характеристиками, которые являются приемлемыми с точки зрения решения социально-экономических задач, и теми, которые принимаются большинством голосующих [17].

Законодатель вынужден находиться между двумя огнями (общественными и частными интересами), отталкиваясь от внутренней и внешней политической и социально-экономической ситуации. Однако группы давления обладают большими возможностями влияния на конечное решение путем подкупа или сговора с законодателем. Учитывая тот факт, что отдельный законодатель не является монополистом в сфере оказания политических услуг, группы давления стараются привлечь более производительных законодателей (например, членов Комиссии по техническому регулированию при Государственной Думе РФ или при Таможенном союзе).

В результате утвержденные формальные правила ориентируются на частные интересы отдельных групп давления (как правило, крупных корпораций и их союзы) и не обеспечивают необходимого регулирования действий фирм на уровне отдельного общества согласно интересам данного общества, что подтверждается исследованиями российских ученых. Таким образом, выявляется проблема согласования интересов большинства заинтересованных групп при регламентации качества пищевых продуктов.

Иными словами, для разработки технических регламентов на пищевые продукты необходимо определить набор исчерпывающих требований к их качеству, которые должны учитывать интересы заинтересованных групп. Однако чем обширней сфера применения формальных правил, тем больше численность заинтересованных групп, следовательно, и степень разнородности их интересов. То есть при разработке и принятии технического регламента на наднациональном уровне Комиссия (или иной уполномоченный орган) вынуждена согласовывать интересы стран – участников Таможенного союза. Принимаемый технический регламент не должен ущемлять частные интересы фирм, которым каждое государство гарантировало предоставить выход на общий рынок, и общественные интересы населения, не заинтересованного в снижении качества пищевых продуктов и в повышении цен на них.

В связи с образованием Таможенного союза возникли новые аспекты технического регулирования уже на наднациональном уровне. Так п. 4 ст. 9 Федерального закона «О техническом регулировании» предусматривает возможность предоставления проекта решения заинтересованным группам для ознакомления. Если у заинтересованных групп возникают замечания, то разработчик должен внести коррективы в проект технического регламента. Каждое государство, входящее в Таможенный союз, заинтересовано в обеспечении собственной экономической (в т. ч. продовольственной) безопасности. Государство-участник не станет одобрять правила, представляющие угрозу собственной продовольственной независимости. Следовательно, в процессе регламентации происходит снижение требований к качеству пищевых продуктов (в аспекте их количества и содержания) до уровня наименее развитой (с точки зрения экономических возможностей) стороны.

Именно этим объясняются медлительные темпы регламентации качества пищевых продуктов в России и Таможенном союзе. Принятые правила, в свою очередь, ориентируются

на интересы групп давления и негативно сказываются на конкуренции. Однако не следует забывать о том, что в российской системе технического регулирования, помимо формальных правил (технических регламентов), существуют добровольные стандарты качества. Мы не можем отнести стандарты к разновидности институтов, разделяя мнение Д. Норта, согласно которому институт исполняет не только регулятивную функцию, но и обладает механизмом принуждения к её исполнению. Д. Норт указывал: «важный элемент механизма функционирования институтов состоит в том, что установление факта нарушения не требует специальных усилий и что нарушитель подвергается суровому наказанию» [18]. Добровольные стандарты, таким образом, представляют собой меры регулирования, которые устанавливают характеристики продукции, способ осуществления и характеристики процессов производства, реализации и утилизации с целью их многократного и добровольного использования фирмами.

В технических регламентах устанавливаются обязательные для исполнения требования к качеству пищевых продуктов (по аналогии Директив New Approach). Указание конкретных характеристик качества в данных формальных правилах, по мнению ряда российских сотрудников ВНИИС, может привести к формированию барьеров в торговле [11]. Поэтому в технических регламентах указываются лишь общие требования к качеству пищевых продуктов с закреплением минимальных пороговых значений показателей качества (в т. ч. безопасности). Конкретные характеристики качества пищевых продуктов и процессов производства имеют добровольный характер, то есть фиксируются в добровольных национальных и межнациональных стандартах.

Следует понимать, что требования стандартов не могут быть ниже соответствующих требований технических регламентов, но могут содержать дополнительные (не указанные в технических регламентах) требования к качеству продукции. Таким образом, регламентация качества пищевых продуктов начинается с разработки технических регламентов и продолжается стандартизацией качества. Технический регламент закладывает набор обязательных к применению требований к качеству пищевых продуктов, а добровольные стандарты качества предлагают конкретные значения характеристик пищевой продукции, исходя из требований, указанных в технических регламентах.

Данная система могла бы отлично функционировать в России при двух обязательных условиях. Во-первых, добровольные национальные и межнациональные стандарты должны быть гармонизированы с техническими регламентами. Во-вторых, должен действовать принцип презумпции соответствия (по аналогии с Директивами Global Approach). В противном случае фирмы экономически заинтересованы пренебрегать добровольными стандартами в пользу технических условий, предполагающих номинальное соответствие продукции минимальным требованиям технического регламента.

Так называемая «третья» сторона технического регулирования – некоммерческий сектор реализует явную функцию контроля в части оценки соответствия продукции или технических условий требованиям регламентов. Однако, в отличие от государства или отдельных чиновников, организации саморегулирования несут меньшую юридическую ответственность в случае оказания непрофильных услуг коммерческим фирмам. В данном случае речь идет о «захвате регулятора», в роли которого выступает не государство, а организации саморегулирования, латентная функция которых заключается в получении дохода от предоставления фирмам услуг в области выдачи сертификатов соответствия. Кроме того, такие организации зачастую выступают инструментом в руках крупных фирм для ограничения доступа к отрасли потенциальных участников.

Государство, в свою очередь, не способно осуществить мониторинг качества пищевых продуктов в условиях нормативного вакуума и неопределенности на отраслевых рынках. Согласно Положению «О мониторинге качества, безопасности пищевых продуктов и здоровья населения в РФ» под мониторингом понимается «система наблюдения, анализа, оценки качества и безопасности пищевых продуктов, материалов и изделий, контактирующих с пищевыми продуктами, питания и здоровья населения» [19]. Мониторинг предполагает сбор объективной информации о качестве пищевых продуктов, её системный анализ и оценку. Однако здесь возникает неурегулированный вопрос о перечне объективных показателей качества пищевой продукции и о методах системного анализа полученной информации. Без данной информации государство не имеет возможности реализовать функцию контроля.

Таким образом, ключевыми недостатками современной российской системы технического регулирования являются проблемы в части регламентации и, как следствие, контроля качества пищевых продуктов. По нашему мнению, данные проблемы обусловлены, в первую очередь, отсутствием эффективных регулирующих мер.

При этом допущении нами переосмысливаются роль и место стандартизации в системе технического регулирования. Стандартизация с точки зрения неoinституциональной теории регулирования представляет собой процесс разработки регламентаций. В этом смысле регламентация качества пищевых продуктов должна не продолжаться стандартизацией, а начинаться с неё. Однако стандартизация осуществляется и по факту регламентации в форме добровольных национальных и межнациональных стандартов. Данный факт позволяет нам выделить два вида стандартизации (в зависимости от её отношения к регламентации): *ex post* и *ex ante*.

Ex ante стандартизация предполагает создание регулирующих мер, которые выступают основой для будущих институтов, утверждаемых в процессе регламентации. *Ex post* стандартизация, в свою очередь, осуществляется уже после регламентации, когда существуют институты, закрепляющие в форме формальных правил результаты *ex ante* стандартизации. При этом *ex ante* стандартизация, не учитывающая множественность требований к качеству и не ориентированная на их постоянное обновление и актуализацию в соответствии с существующими и возникающими новыми рисками и угрозами качеству пищевых продуктов, как правило, приводит к крайне негативным социально-экономическим последствиям (в отличие от *ex post* стандартизации, устанавливающей регламентации в форме добровольных стандартов).

В истории технического регулирования в России можно выявить множественные случаи, когда институты навязывали регламентации, отличные от преобладающих в обществе интересов. В этом случае, согласно мнению сотрудников ВНИИС, фирмы отказывались следовать законным предписаниям и поступали так, как велели их собственные представления [20]. Во всех этих случаях раскрывается суть проблемы легитимности институтов как сознательного согласия заинтересованных групп с теми или иными ограничениями.

Задача *ex ante* стандартизации заключается в поиске эффективных мер регулирования как основы для выработки легитимных институтов. Согласно положениям теории Дж. Бьюкенена легитимность институтов исходит из их способности содействовать реализации интересов заинтересованных групп, следовательно, эффективность мер регулирования определяется согласованностью данных интересов при включении требований в нормативную модель. Данная функция позволяет нам определить регламентации, разрабатываемые в ходе *ex ante* стандартизации, как «социальные стандарты» качества. Введение термина «социальный стандарт» качества обусловлено путаницей, вызванной соотношением различных видов регулирования как продуктов *ex ante* и *ex post* стандартизаций. В первом случае обоснованно говорить о регулирующих мерах как добровольных стандартах, так как они представляют собой основу для институтов. Во втором случае регулирующая мера может вовсе не гармонизироваться с формальными правилами и носить добровольный характер. Социальный стандарт качества, таким образом, представляет собой разновидность мер регулирования качества, отражающую интересы заинтересованных групп и являющуюся обязательной основой для институтов.

Исходя из этого, проблемы регламентации качества пищевых продуктов напрямую связаны с *ex ante* стандартизацией. Дело в том, что институты, при прочих равных условиях, оказывают влияние на величину трансакционных и трансформационных издержек в зависимости от эффективности социальных стандартов. В связи с этим можно построить типологию институтов технического регулирования качества пищевых продуктов, учитывающую их влияние на соотношение между данными издержками (см. рисунок 1), где ТИ – трансакционные издержки, СВ – социальные выгоды, ЧИ – частные (трансформационные) издержки и ЧВ – частные выгоды.

Применительно к качеству продуктов питания типы институтов могут быть охарактеризованы следующим образом.

Первый тип институтов – это правила, основанные на принципе полного государственного вмешательства. Институты данного типа устанавливают рамки поведения фирм, ограничивая их выбор в части производственных альтернатив. Социальные стандарты

качества предлагают набор требований к способу осуществления и характеристики процессов производства пищевых продуктов. Примером таких институтов служит система обязательных стандартов ГОСТ Р, описанная нами ранее. Неоспоримым преимуществом данных правил выступает их положительное влияние на уровень транзакционных издержек за счет регламентации производственных процессов. В этих условиях пропадает дифференциация: качество пищевых продуктов становится стандартизированным, следовательно, поддающимся оценке. Снижаются транзакционные издержки поиска продукта (исходя из его качества) и измерения его качества. Однако фирмы вынуждены нести несоизмеримые с их выгодами трансформационные издержки, что негативно сказывается на конкуренции и инновациях. Таким образом, данный тип институтов неэффективен по критерию Роулза, так как он не всегда приводит к равноправному доступу к ресурсам заинтересованных сторон.

		Частные интересы	
		ЧИ > ЧВ	ЧИ < ЧВ
Обществен- ные интересы	ТИ < СВ	«Субъективные» социальные стандарты	Эффективные социальные стандарты
	ТИ > СВ	«Ложные» социальные стандарты	«Laissez-faire» социальные стандарты

Рис. 1. Типология институтов технического регулирования качества пищевых продуктов (составлено на базе схемы В. Л. Тамбовцева [3; с. 65])

Противоположным (с точки зрения рыночной экономики) является второй тип институтов, основанных на принципе «laissez-faire» (невмешательства государства в экономику). Такие правила предъявляют требования не к производственному процессу, а к пищевым продуктам. В практике дерегулирования предполагается важность регламентации конечного результата производственной деятельности, что оставляет за фирмой право на самостоятельный выбор способа достижения данного результата. Однако, как было сказано ранее, фирмы, действующие на рынке до введения правила, заинтересованы в продвижении своих интересов относительно содержания регулирующих мер. А именно группы давления могут оказывать влияние на их ante стандартизацию, занижая требования к качеству пищевых продуктов. Это приводит к экономии трансформационных издержек, но сказывается на росте неопределенности в условиях несбалансированности рынков. Данный подход, несмотря на свою популярность в политике дерегулирования, не является эффективным по критерию Калдора-Хикса. Суть критерия заключается в том, что состояние экономики после регламентации является предпочтительным по сравнению с состоянием до институтов, если те, кто получит выгоду от перехода к новому состоянию экономики, могут компенсировать убытки тем, кто их понес от этого перехода, и все равно остаться в выигрыше. В данном случае выигрывающая сторона (фирмы) не способна компенсировать убытки проигравшей стороне – потребителям.

Третий тип институтов, оказывающих негативное воздействие на уровень транзакционных и трансформационных издержек, базируется на подходе, пренебрегающем как общественными, так и частными интересами. Такая ситуация возможна лишь в одном случае: когда происходит «захват» регулятора одной или несколькими фирмами с целью закрепления рыночной власти. Мы охарактеризовали вид социальных стандартов, заложенных в основе данного типа институтов, «ложными», так как государство номинально ориентируется на общественные интересы, но по факту преследует частный интерес. Такие институты не формируют структуру устойчивого взаимодействия между потребителями и фирмами и в то же время вносят ряд существенных ограничений по входу в отрасль новых участников. В результате принимаемые правила не способствуют Парето-улучшениям. Оценка эффективности мер регулирования, согласно социологу и экономисту В. Парето, должна придерживаться критерия: всякое изменение, которое никому не приносит убытков, а некоторым людям приносит пользу (по их собственной оценке), является улучшением.

Примечательно, что принятый в 2014 году Технический регламент «О безопасности мяса и мясной продукции» может быть отнесен к данному типу институтов. Запрет домашнего (подсобного) убоя животных ограничил доступ на продовольственные рынки для личных подсобных и крестьянско-фермерских хозяйств. В результате этих мер следует ожидать сокращения на рынках доли свежего мяса и увеличения цен на него. В свою очередь, ожидается прирост доли замороженного мяса. Как следствие, помимо снижения качества мяса и увеличения цен, мелкие производители понесут финансовые убытки и будут вынуждены уйти с рынка, освободив нишу для крупных фирм.

На наш взгляд, наиболее оптимальной основой для регламентации выступает тип институтов, основанных на эффективных социальных стандартах качества. Такие институты оказывают понижающее воздействие на уровень неопределенности, учитывая частные интересы (как соотношение выгод и издержек). То есть эффективный социальный стандарт предлагает не только учет частных и общественных интересов, но и их согласование. Соглашение заинтересованных групп с нормой не только придает институтам необходимое свойство легитимности, но и предполагает достижение экономического оптимума.

Социально-экономический смысл эффективных социальных стандартов качества пищевых продуктов может быть описан через концепцию Л. Тевено – «экономику соглашений». Рассуждая о координации человеческой деятельности, Л. Тевено отмечал: «Неопределенность, возникающая при проблеме взаимодействия, перестает сводиться исключительно к вопросу распределения информации. Неопределенность увязывается с интерпретативной рациональностью заинтересованных групп, а её снижение достигается благодаря наличию конвенции (общих «рамочек оценки»), с помощью которой квалифицируются все значимые элементы ситуации» [21; с. 86]. Внутренний источник неопределенности, таким образом, кроется не столько в проблемах координации деятельности фирм посредством формальных правил, сколько в природе конвенции между разнородными интересами.

Л. Тевено указывал: «В самом обычном случае любое взаимодействие неопределенно, ибо в нем участвуют разнородные стороны, оно разворачивается во времени и нацелено на товар или услугу, которые заранее невозможно полностью специфицировать» [21; с. 85]. Поэтому снижение неопределенности на продовольственных рынках предполагает конструирование конвенции через процедуру агрегирования индивидуальных оценок. При этом Тевено отмечал, что «конвенциональное конструирование – это перманентное индивидуальное и коллективное занятие» [21; с. 86]. Потребители принимают решение о выборе, исходя из своих предпочтений и доступной информации о продукте. Производители, в свою очередь, определяют характеристики производственного процесса. То есть акт свободного потребительского выбора в пользу того или иного пищевого продукта свидетельствует о факте согласия с качеством.

Рынок, таким образом, рассматривается Л. Тевено «как место проверки и оценки качества благ» [21; с. 91]. Из этого выходит, что эффективность конкуренции продовольственных рынков обуславливается преобладающим способом проверки и оценки качества пищевых продуктов. Однако в условиях высокого уровня транзакционных издержек измерения со стороны потребителей и оппортунистического поведения со стороны фирм, проверка и оценка качества (с точки зрения преобладающих в обществе требований) затруднена. Иными словами, когда пищевые продукты теряют свою непосредственную определенность, а репрезентация качества заменяется *имитацией*, мы не можем судить об эффективной конкуренции на продовольственных рынках. Сложившаяся в условиях саморегуляции конвенция разрушается по мере репрезентации истинного качества пищевых продуктов, по мере раскрытия информации об их характеристиках и получения знаний об их влиянии на здоровье.

Таким образом, мы в очередной раз приходим к выводу о необходимости проведения активной государственной политики в сфере технического регулирования, призванной достигнуть обеспечения и репрезентации качества пищевых продуктов посредством регламентации. Однако обеспечение легитимности институтов – важная, сложная, даже деликатная задача *ex ante* стандартизации: как конвенцию не подменить «единственно верной», но при этом субъективной позицией. Решение этой задачи возможно за счет согласования интересов заинтересованных групп и их включения в социальный стандарт качества пищевых продуктов в форме требований. Конвенциональный характер таких социальных стандартов позволяет судить об их эффективности, так как они предлагают

удовлетворительный (с точки зрения заинтересованных групп) способ проверки и оценки качества пищевых продуктов. Конвенция не только содействует легитимности институтов, снижая издержки государства по обеспечению функции контроля, но и способствует Парето-улучшениям, определению равновесия на продовольственных рынках.

Выводы

Мы выяснили, что практика технического регулирования в различных странах может быть объяснена через набор теоретических положений, задающих концептуальную основу государственного регулирования. Так, большинство мер государственного регулирования находит свою аргументацию в теориях общественного интереса, согласно которым «провалы рынка» препятствуют обеспечению качества пищевых продуктов. Однако была описана и противоположная точка зрения, подразумевающая ангажированность мер государственного регулирования частными интересами отдельных фирм и отраслей. Кроме того, в теории и практике набирает популярность концепция дерегулирования, переосмысляющая необходимость государственного вмешательства через призму идей саморегуляции рынка.

Именно последнее теоретическое положение закладывает концептуальные основы практики технического регулирования качества пищевых продуктов в странах с рыночной экономикой (таких как США и страны ЕС). Сформулированная в форме «Нового» и «Глобального» подходов, концепция дерегулирования предполагает постепенное замещение активной государственной политики в области регламентации качества пищевых продуктов добровольной стандартизацией и сертификацией. Результативность данной концепции в развитых странах в совокупности с её убедительным теоретическим обоснованием определила вектор трансформации системы технического регулирования качества пищевых продуктов в России.

Однако мы выявили, что переход системы технического регулирования в России на международные принципы привел к неоднозначным результатам. С одной стороны, отказ от обязательных государственных стандартов качества пищевых продуктов даровал фирмам свободу в выборе системы менеджмента качества. С другой, стали обостряться проблемы в части физической и экономической доступности качественных пищевых продуктов для потребителей. В условиях положительных трансакционных издержек ограниченно рациональный потребитель не способен достоверно отличить качественный продукт от некачественного. Опортунисты, в свою очередь, уверяют его в качестве своего продукта с помощью маркетинговых и технологических уловок. В результате пищевые продукты теряют свою непосредственную определенность, а репрезентация их качества замещается имитацией.

На фоне негативной демографической ситуации (в аспекте состояния здоровья населения и средней продолжительности жизни) последняя тенденция напрямую противоречит государственным приоритетам в сфере национальной и продовольственной безопасности. В связи с этим мы решили обратиться к неинституциональной теории государственного регулирования.

С точки зрения неинституционализма обеспечение качества возможно за счет институтов, оказывающих влияние на уровень неопределенности за счет ограничительных рамок поведения, организующих взаимоотношения между группами. Когда рыночная саморегуляция неэффективна по причине высокого уровня трансакционных издержек, на государство возлагается важная функция по регламентации качества пищевых продуктов с целью установления эффективных регулирующих мер. Однако здесь возникает содержательный вопрос, особо актуальный для российской действительности: как определить и добиться эффективности регулирования?

Мы предлагаем следующий вариант ответа: эффективность регулирования зависит от согласованности общественных и частных интересов. В этом ключе происходит переосмысление роли и места стандартизации в системе технического регулирования. Стандартизация осуществляется не только после (*ex post*), но и до (*ex ante*) формирования институтов, задавая их содержательную основу. Такой основой в процессе регламентации выступает результат *ex ante* стандартизации – социальные стандарты качества пищевых продуктов (как форма регулирования, отражающая интересы заинтересованных групп).

В зависимости от вида социальных стандартов качества мы выстроили типологию институтов технического регулирования. Сопоставляя влияние данных типов на уровень

транзакционных и трансформационных издержек, мы пришли к выводу о необходимости формирования легитимных институтов, основанных на эффективных социальных стандартах. Эффективные социальные стандарты предполагают образование конвенции между заинтересованными группами в части предъявляемых к качеству пищевых продуктов требований. Они содействуют определенности пищевых продуктов и выступают обязательной основой легитимных институтов.

Однако на сегодняшний момент в науке отсутствует информация о природе социальных стандартов качества пищевых продуктов и их использовании при регламентации, что дает нам возможность развить концептуальные основы технического регулирования в русле институционального проектирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Тамбовцев В. Л., Капогузов Е. А. Реформы государственного управления: теоретические основы и практическая реализация. – М.: ТЕИС, 2010. – 128 с.
- 2 Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное / Дж. М. Кейнс; вступ. статья Н. А. Макашевой. – М.: Эксмо, 2008. – 960 с.
- 3 Тамбовцев В. Л. Теории государственного регулирования экономики. – М.: ИНФРА, 2010. – 158 с.
- 4 Hertog den J. General Theories of Regulation // *Encyclopedia of Law and Economics*. – 2000. – Vol. 3. – P. 223–270.
- 5 Kahn A. *The Economic of Regulation: Principles and Institutions*. – Cambridge: MIT Press, 1988. – 559 p.
- 6 Akerlof G. The Market for «Lemons»: Quality Uncertainty and the Market Mechanism // *The Quarterly Journal of Economics*. – 1970. – Vol. 84. – P. 488–500.
- 7 Stigler G. The Theory of Economic Regulation // *Bell Journal of Economics and Management Science*. – 1971. – Vol. 2. – P. 3–21.
- 8 Tullock G. The Origin Rent-Seeking Concept // *International Journal of Business and Economics*. – 2003. – Vol. 2. – P. 1–8.
- 9 Бьюкенен Дж., Бреннан Дж. Причина правил. Конституционная политическая экономия / пер. с англ. под ред. А. П. Заостровцева. – СПб.: Экономическая школа, 2005. – 272 с.
- 10 Коуз Р. Фирма, рынок и право / Пер. с англ. – М.: Новое издательство, 2007. – 224 с.
- 11 Аронов И. З., Версан В. Г. Техническое регулирование – инструмент инноваций // *Стандарты и качество*. – 2004. – № 1. – С. 24–27.
- 12 Голованова О. А., Чупин Р. И., Коробкова А. В. Химико-биологические и социальные основания институционализации качества продуктов питания в России // *Вестник Омского университета*, 2013. – № 4. – С. 139–142.
- 13 Полтерович В. М. Элементы теории реформ. – М.: Экономика, 2007. – 447 с.
- 14 Laffont J.-J., Tirole J. The Political Economy of Rent-seeking Society // *American Economic Review*. – 1974. – Vol. 64. – P. 291–303.
- 15 Denzau A.T. Legislators and Interest Groups: How Unorganized Interests Get Represented / Denzau A.T., Munger M. // *American Political Science Review*. – 1986. – Vol. 80. – P. 89–106.
- 16 Эггертссон Т. Экономическое поведение и институты / пер. с англ. – М.: Дело, 2001. – 408 с.
- 17 Элькин И. Г., Версан В. Г. Технические регламенты – национальные интересы через стандарты // *Сертификация*, 2009. – № 3. – С. 2–3.
- 18 Норт Д. Институциональные изменения: рамки анализа // *Вопросы экономики*, 1997. – № 3. – С. 6–17.
- 19 Постановление Правительства РФ от 22 ноября 2000 г. № 883 «Об организации и проведении мониторинга качества, безопасности пищевых продуктов и здоровья населения» // Правовая справочная информационная система «ГАРАНТ». – URL: http://base.garant.ru/12121276/#block_1000/
- 20 Версан В. Г., Галеев В. И. 10 лет опыта; итоги, проблемы, решения // *Стандарты и качество*. – 2007. – № 2. – С. 44–46.
- 21 Тевено Л. Ценность, координация и рациональность: экономика соглашений или эпоха сближения экономических, социальных и политических наук // *Институциональная экономика* / Под общ. ред. А. Олейника. – М.: ИНФРА-М, 2007. – 704 с., С. 76–113.

Дата поступления статьи в редакцию 14.11.2014